

УДК 643.01:332.87(470-25)“1945/1955”

Горлов В.Н.

Московский государственный областной университет

КОММУНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ В ПОСЛЕВОЕННОЙ МОСКВЕ И АСОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

V. Gorlov

Moscow State Regional University

COMMUNAL WAY OF LIVING IN POST-WAR MOSCOW AND ASOCIAL BEHAVIOUR

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, вызванные массовой миграцией сельских жителей в Москву после войны, проблемы личностной адаптации мигрантов к городскому образу жизни, показаны казарменный коллективизм общежитий и уклад коммуналок в послевоенной Москве, трудности решения жилищной проблемы и бытовой инфраструктуры, влияние качественных характеристик жилья на асоциальное поведение москвичей. В статье рассматриваются жалобы, вызванные жилищной неустроенностью, социокультурными противоречиями между постоянным населением Москвы и сельскими мигрантами.

Ключевые слова: коммуналки, общежития, миграция, асоциальное поведение.

Abstract. The article deals with the problems caused by mass migration of village dwellers to Moscow after World War II and the problems of migrants' adaptation to the urban way of living. The article also depicts the barracks-like collectivism of hostels and the life-style in communal flats in post-war Moscow. The author mentions the difficulties of solving the housing problems, the influence of the qualitative characteristics of dwellings on the asocial behavior of the Muscovites. The article studies the complaints caused by the housing despondency, social and cultural contradictions between the Muscovites and the migrants.

Key words: communal flats, hostels, migration, asocial behavior.

После Великой Отечественной войны остро встали перед Москвой проблемы, вызванные массовой миграцией. Город напрягал силы, пытаясь угнаться за темпами прироста населения, прежде всего приезжего, в уровне обеспечения жильем, всеми параметрами социальной инфраструктуры. Существенную проблему представляла личностная адаптация мигрантов, особенно из села, к условиям жизни Москвы. Большинство из них оказывалось в ряду социальных маргиналов, не вписывающихся в городской образ жизни и социальные нормы. Не случайно, например, уровень правонарушений среди мигрантов был в несколько раз выше, чем среди постоянного населения. Сельские мигранты деформировали качественный уровень городского населения, «разбавляли» его образ жизни и культуру сельскими традициями, нормами поведения, системой ценностей, привычками, сознанием, психологией, в определенной мере осуществляли духовную связь города с селом. По поводу этого известный поэт Е. Исаев заметил: «Мы в городе живем, а в нас живет деревня...» [2].

Переселенцы отрывались от деревенских корней, от привычного окружения. Не зная друг друга, они терялись в сложном окружающем их городском мире. Без привычного соседского и родственного контроля не все из них выдерживали трудности адаптации, либо срываясь на асоциальные формы поведения, либо вновь меняя место работы и жительства. Сказались, безусловно, и трудности адаптации к новой жизни в клетушках коммуналок и дыме заводских цехов. Все это часто вело к дезорганизации жизнедеятельности человека. На все это накладывалась слабая социальная инфраструктура. Жилищная неустроенность сказывалась на

моральной атмосфере общества, нравственном здоровье народа. Квартиры были перенаселены. Люди не один десяток лет ждали очереди на получение жилья.

Из-за жилищной тесноты в Москве довольно большая часть населения проживала в общежитиях или в схожих условиях, немало чужих и чуждых друг другу людей жили в одной комнате с перегородками и без них. В послевоенной Москве проводилось жилищное строительство, но в связи с быстрым ростом населения столицы в общежитиях проживало не меньше людей, чем это было раньше. Власть ничего не могла сделать с постоянным жилищным дефицитом, очередями, квартирной теснотой. Квартирные склоки, вынужденное соседство, бесконечные жалобы, втягивающие личные отношения в общественное разбирательство, становились бытом, всё это делало повседневную жизнь напряженной. Советское население способно было переносить трудности, которые были немыслимы с точки зрения людей Запада. Многим пришлось жить в зданиях, не приспособленных для жилья, либо таких, где несколько десятков лет не проводился ремонт. Большинство общежитий Москвы и Московской области было зданиями старого образца, в которых не предполагались ванны, кухни в квартире и прочих атрибутов нормальной жизни. Большинство общежитий было барачного типа. В некоторых помещениях жило по несколько десятков человек. Помещения были грязны и запущены, постельное белье менялось редко. В общежитиях господствовала казарменная обстановка и казарменный дух. Обстановка огрубляла душу, многие приучались к потреблению спиртных напитков, грубые нравы были широко в ходу.

Послевоенные московские общежития не отличались от жилого дома только с внешней стороны. О необходимости бытовых удобств у власти было свое мнение. Общежития строили отдельными зданиями, кварталами и целыми городками. Как, например, на территории Измайлова в Москве. Общежития декларировались как временное жилье, но на деле они возводились на десятилетия.

Строительство общежитий по темпам роста обгоняло строительство домов с отдельными квартирами. Это значило, что из коллективного жилья практически выхода не было. Несомненно, система общежитий принуждала к коллективному сожительству под одной крышей и осталась характерным памятником советского социализма. Несмотря на острую нехватку жилья, особенно в местах нового промышленного строительства, в 1950 г. было принято решение не строить временного жилья, оно должно было возводиться как постоянное. Бараки и временки могли строиться лишь в исключительных случаях, по решению Совета Министров РСФСР¹. К сожалению, ведомственные интересы часто брали верх и в этом вопросе.

О жизни в бараках поведал секретарь МГК КПСС Прохоров 12 октября 1953 г. на совещании в МГК КПСС по вопросу «О культурно-бытовом обслуживании проживающих в общежитии»: «У нас в Москве всего общежитий и бараков насчитывается более 3 тысяч. В них проживает несколько десятков тысяч людей. Может быть, стыдно, товарищи, говорить с этой трибуны, но приходится сказать о том, что в некоторых общежитиях Москвы, не говоря уже о загородных, хозяйственные руководители допускают такое положение, что воду пьют в общежитиях из консервных банок, что в общежитиях нет титана для того, чтобы иметь горячую воду. Во многих общежитиях нет прачечной, большое количество людей не имеют возможности постирать бельё, или стирают в помещениях, в которых проживают»². Далее секретарь МГК КПСС Прохоров сообщил: «В общежитиях мы можем встретить кого угодно на должности коменданта и даже на должности воспитателя. Это люди, которые снимались за хулиганство и воровство, а их назначают воспитателями. Что они могут дать нашей молодежи, когда они сами подчас разложившиеся люди в моральном и бытовом отношениях. Много

¹ Центральный архив общественно-политической истории Москвы (далее: ЦАОПИМ). Ф. 3. Оп. 140. Д. 79. Л. 15.

² ЦАОПИМ. Ф.4. Оп. 88. Д. 14. Л. 175.

случаев, когда вокруг общежитий затеваются драки, кончающимися даже смертельными исходами. Такая большая драка была в Измайлове, в общежитиях подшипникового завода, в поселке Раменское. В этих драках принимали участие десятки и даже сотни человек. Куда пойти молодежи, чем занять ей свой досуг, куда девать свою энергию?»¹. Один из руководителей 1-го Государственного подшипникового завода М.Н. Глянцев 23 октября 1953 г. сетовал: «К стыду нашему в наших общежитиях еще имеются большие ссоры и доходит дело до драк. Это показывает, что та работа, которую мы проводим, не оказывает того воздействия, которое мы хотели. В настоящее время на каждом предприятии есть товарищеские суды, которые судят за нарушения трудовой дисциплины»².

Значительные объёмы строительства общежитий объяснялись тем, что в этой группе основную часть составляли общежития для строителей. Как жилось строителям, можно судить по письму плотника ремонтно-строительной конторы Хорикова, отправленному в отдел городского хозяйства МГК ВКП(б) 4 февраля 1947 г.: «Мы живём в общежитии. Что у нас неудобно, что всё у нас разгорожено занавесками. Лично я живу со своей семьей в количестве 5 человек на площади в 8,75 кв.м. У меня страшно тесно, у меня есть маленький ребенок. Работать при таких условиях больше не могу. Я должен признаться в том, что мне пришлось писать письма своему делегату т. Молотову В.М., чтобы он помог. Из секретариата т. Молотова В.М. написали в исполком т. Бакину, который, в свою очередь, написал начальнику конторы нашей, чтобы мне предоставили жильё, но никаких мер не принимают. У меня настроение работать только до весны и я не знаю, что дальше мне делать»³. (Все тексты писем приведены в авторском исполнении.)

Не одно поколение советских людей провело свои молодые годы в стенах студенческих либо рабочих общежитий. Кому-то из

них повезло: общежитие стало для них хотя и временным, но вторым домом, где были созданы все условия для того, чтобы человек мог спокойно жить, учиться и отдыхать. А вот некоторым пришлось жить в условиях далеко не нормальных, например, в зданиях, непригодных для жилья, либо таких, где по несколько десятков лет не проводился ремонт, где не было буфетов и столовых, где отсутствовали помещения, полностью укомплектованные мебелью и инвентарем. Многие в решении этих вопросов зависело от предприятия, в ведении которого находилось общежитие, от администрации общежития, а также от тех, кто в нем проживал, так как общежитие должно было быть их общей заботой.

В начале 1950-х гг. положение с эксплуатацией и ремонтом жилья было тяжелым. Коммунальные службы часто были маломощными и не могли справиться с поддержанием жилого фонда в должном порядке. В газете «Труд» описывался быт в общежитиях Измайловского поселка в Москве. Это было не где-то в провинции, в далекой сибирской тайге, а в самом сердце столицы. И здания были построены новые, стояли не временные бараки, а как пишет автор, «столичные дома со всеми удобствами». Эти все удобства, видно, сводились к тому, что имелись уборные, водопровод и газовые плитки в общей кухне. В поселке не было столовой, прачечной, а ехать в центр Москвы обедать и сдавать в стирку бельё, очевидно, было не по средствам среднему рабочему-строителю. Поэтому холостяки тратили по 2 часа на варку примитивного обеда. На кухне приходилось стирать бельё и в своей комнате сушить: специального помещения не было предусмотрено. В каждой комнатухе ютилось по пять человек. Как подсчитал жилец одной комнаты дома № 39, живущие в ней совокупно расходовали ежедневно на домашнее хозяйство до 15 часов. В женских общежитиях положение было хуже. В доме № 24 было 17 комнат, в каждой по пять человек. Всего в доме, следовательно, жило 85 человек. На это количество жилищ на общей кухне было 2 газовых плитки. «К каждой га-

¹ Там же. Л. 177.

² Там же. Л. 178

³ ЦАОПИМ. Ф.3.Оп.60.Д.24.Л.45.

зовой горелке, – читаем в газете, – образуется длинная очередь. Девушки сидели часами, недовольные и злые. Пообедать удавалось подчас не ранее 9-10 часов вечера». В женских общежитиях, специально выстроенных в качестве общежития, да ещё притом в домах с удобствами, не было даже кипятильников-титанов. «Поэтому, – свидетельствовал корреспондент, – прежде чем первая кастрюля попадет на плитку, должна была вскипеть сотня чайников».

В Измайлове было общежитие, в котором были даже установлены кипятильники. В нем жили матери-одиночки. Не очень долго жильцы пользовались своими кипятильниками, их выключили. Это объяснялось тем, что управляющему домами пришла в голову нелепая мысль: «...поскольку у каждой матери есть ребёнок, а то и двое, какие же это, в сущности, одиночки. Типичные семейные люди» [3]. Вряд ли управляющий был лишен здравого смысла и не понимал, что он делал.

Общежития для студентов были домом пять лет, оттуда они перебирались в общежития холостяков на предприятии, где в одной комнате находилось до 20 человек [1]. Новые рабочие поселки и новые кварталы общежитий возникали в Москве и в Московской области в виде барачных скоплений. Уезжали строители, въезжали производственные рабочие, общежитие оставалось тем же самым. Прогнивали деревянные бараки, строили каменные общежития для проходчиков, кондукторских бригад и т. п. И женатому человеку не всегда было куда уйти из общежития, приходилось отделяться занавесками от холостяков.

В Тушине (ныне часть Москвы) потребность в жилье была очень велика. В.В. Гришин, бывший в ту пору зав.отделом машиностроения МК ВКП(б) и неоднократно посещавший этот город, был вынужден признать: «Рабочие машиностроительного завода живут в тяжелых условиях, не обеспечены постельным бельём, даже в общежитиях не хватает дров»¹. Комиссия по проверке жилищного положения рабочих нарисовала удручающую

¹ ЦАОПИМ. Ф. 110. Оп. 7. Д. 22. Л. 185.

картину: «В общежитиях не хватает табуреток, тумбочек, тазов, корыт. Имеющиеся в общежитии кухни не обеспечивают потребности проживающих в приготовлении пищи, в связи с чем создаются на кухнях очереди. Топливом общежития обеспечиваются с перебоями. Титаны имеются не во всех общежитиях»².

В течение длительного времени считалось, что Москва не может обойтись без привлечения рабочей силы из других городов. Они оказывались в крепостнической зависимости от начальников своих производств. Потеряв работу, они теряли и жизнь в этом городе. Чуть что – лишали временной прописки. Многочисленный слой маргинального населения способствовал умножению и обострению социальной патологии. В рабочих бараках часто вспыхивали конфликты. Здесь пьянство, скопление беспокойных одиноких мужчин, плохие жизненные условия – всё вместе способствовало созданию атмосферы беззакония, росло число уголовных преступлений, совершенных этой категорией лиц. Там, где располагались рабочие общежития, криминогенная обстановка была одной из самых напряженных в городе. Среди подавляющей части рабочего класса в 1950-х гг. не было создано достойных условий и на производстве и для досуга, особенно среди транспортных и строительных рабочих. Многие рабочие, оторванные от родных, без навыков семейной жизни, в незнакомой городской обстановке не умели разумно тратить заработанные деньги, питались всухомятку и часто спивались. В обстановке нелегальности водка обычно употреблялась ночью, без всякой закуски, а порой и за несколько часов перед выходом на работу. Поэтому не удивительно, что к середине 1950-х гг. пьянство на производстве становится вполне нормальным явлением. Значительно острее, чем прежде, встала проблема нравственного воспитания подрастающего поколения. Распространению асоциальных образцов поведения способствовала своеобразная анонимизация поведения личности в большом городе.

² Там же. Л. 59.

Проблема строительства жилищ для семейной молодежи неоднократно обсуждалась в печати, во многих статьях подчеркивалась актуальность и неотложность её решения. Авторы статей – руководители предприятий, социологи, демографы указывали на тесную связь жилищных условий и таких явлений, как пьянство, как большие потери от текучести кадров на производстве, как значительное число разводов среди молодежи, низкий уровень рождаемости. Отсутствие квартиры было препятствием для создания семьи для многих из тех, кто жил в рабочих общежитиях.

Коммунальные квартиры стали неизменным и неизбежным атрибутом послевоенного быта. Во многих коммунальных квартирах были старые коммуникации, застоялый запах, обшарпанные стены – убирать в квартире убирали, а вот капитальный ремонт делать было некому. Длинный коридор, десятки дверей, два туалета, две кухни. Чтобы постирать, надо было отвоевать место в ванной, а потом, чтобы посушить, отвоевать место на кухне. Многие люди, живущие в коммуналках, жили в постоянном конфликте, страдали от расшатанных нервов, легко раздражались. На кухне велись несмолкаемые разговоры обо всем, нередко чреватые спонтанными действиями его участников. Жильцы ссорились, деля площадь на кухне, количество звонков по телефону, занимая очередь в ванну и т. д. Те, у кого в квартире каждый вечер буянил сосед-алкоголик, обладали повышенной тревожностью и подозрительностью. Можно себе представить, как осложняли жизнь «места общего пользования», вражда случайно объединенных жилплощадью самых различных по культурному уровню и происхождению семей. Большим плюсом считалось то, что проживание в домах с «коллективной организацией быта» поможет осуществлять «постоянный товарищеский контроль» граждан друг за другом, чтобы кто-то из соседей не вздумал вести «двойную жизнь»: на работе он ударник труда, борец за коммунистические идеалы, а дома – пошлый обыватель, погрязший в предрассудках прежней, «старорежимной» жизни. Человек от человека никуда

не мог деться. Большинство из тех, кто долгие годы не мог перебраться в отдельную квартиру, считали свое положение унижительным: очередь в туалет и ванную комнату, очередь на мытье «мест общего пользования», недоброжелательные или сильно пьющие соседи. Люди страдали в коммуналке от вынужденности общения, от отсутствия выбора. Увы, это было сплошь и рядом.

Главной психологической проблемой коммунальных квартир было нарушение личного пространства человека. Социализация навязывала уже выработанные штампы и стереотипы, к сожалению, не всегда соответствующие требованиям здорового образа жизни. Ущемлялись права соседей на тишину и вечерний отдых, взрываемый криками терзаемой жены. В любой большой коммунальной квартире всегда находился сосед-пьяница, к которому необходимо было приспособиться. Коммунальная комната, где проживал пьяница, как магнит, притягивала к себе пьющие компании. Проблемы начинались тогда, когда пьянство приводило к дракам, появлению в квартире подозрительных алкоголиков, нарушающих коммунальную гигиену. Отсутствие пьяных соседей было хорошим признаком. Пьянство в коммунальной квартире разлагало её атмосферу, создавая среду, не приспособленную для проживания. Постоянно приходилось письменно жаловаться в разные инстанции на своих соседей-алкоголиков. На самосуд никто права не имел, а милиция возиться с ними не хотела. «Коммунальная квартира? Ах, вас не убивают... Разбирайтесь между собой сами!» - утомленно отмахивались в милиции.

Ежедневно в Моссовет поступало 1000-1500 жалоб и заявлений по жилищным вопросам. При таком положении дел зам. председателя Моссовета Лебедев Д.П., естественно, едва успевал расписываться на подсунутых ему «ответах», и здесь стиралась всякая грань для индивидуального подхода к жалобщикам и заявителям¹. В депутатской переписке очень часто встречались жалобы на своих

¹ Центральный московский архив – музей личных собраний (далее: ЦММЛС). Ф. 92. Оп. 1. Д. 93. Л. 13.

соседей. Речь шла о жилище – самой тяжелой проблеме московского быта для многих. Причем в переписке было специальное дело «Переписка о невозможности совместного проживания с соседями и родственниками». Для того чтобы понять значимость жилищной проблемы, необходимо процитировать часть писем, направленных депутату Верховного Совета СССР И.А. Лихачеву.

Гражданин Шатилов, проживающий по 8-й улице Октябрьского поля, жаловался: «Я имею скверное соседство. Соседи неоднократно своими хулиганскими пьяными выходками не дают покоя всей моей семье, даже вызывают до такого преступления вплоть до драки. Соседи преследуют разными бытовыми склоками и ложными доносами, вплоть до обвинения в уголовных преступлениях. Дети напуганы в слезах, что влияет на учебу сына, который учится в 7 классе. Таким образом, я не имею возможности отдохнуть и восстановить свою нервную систему. 17.10.1953»¹.

Аналогичное положение с соседями содалось и у гражданки Завадской А.В., проживающей по улице Чайковского, д.16, кв.38, пославшей жалобу; «Я Завадская, имею невозможно плохие взаимоотношения с соседями, делящихся с 1946 г. Вернувшись с фронта после Отечественной войны с расшатанной нервной системой в настоящее время, придя домой с работы, абсолютно не имею покоя и отдыха. Готовя пищу в общей кухне, приходится стеречь мне и моему мужу, чтобы эти граждане не подбросили какой-нибудь гадости в пищу, т. к. они немедленно появляются в кухне, когда мы туда выходим, хотя им и ненужно будет. 15.12.1953»².

От рабочего отдела снабжения Петрина поступило письмо; «Я проживаю во 2-м Коломенском поселке ЗИС, барак 42, к.3 с семьей из 6-ти человек. Одновременно со мной в этом бараке остальные комнаты занимают одинокие молодые рабочие, примерно около 60 человек, которые частенько являются в общежитие в нетрезвом виде, устраивают драку и бесконечные нецензурные выражения.

¹ ЦММЛС. Ф.92. Оп. 1. Д. 88. Л. 23.

² ЦММЛС. Ф. 92. Оп. 1. Д. 88. Л. 26.

В таких условиях с семьей жить невозможно. 15 марта 1950 г.»³.

Ляликова М.Н., проживающая по улице Подбельского, жаловалась: «После войны ко мне (вдова и сын Константин) силой вселили гражданку Габейдулину с дочерью, которая вскоре привела и мужа. У них родился ребенок, а в настоящее время ожидается еще один. Таким образом, в моей комнате площадью в 15 кв.м. проживает уже сейчас 6 человек. Муж гражданки Габейдулин ведет себя возмутительно, часто является в нетрезвом виде, позволяет себе грубости и угрозы по отношению ко мне и моему сыну. Он постоянно заявляет: «дайте мне только прописаться, я тогда кое-кого вытряхну». Я возражаю против этой прописки. Ибо наша комната представляет собой женское общежитие и мужчинам в ней жить не положено. 7.02.1950»⁴.

Письмо от учительницы школы рабочей молодежи завода № 88 Шацкевич: «На протяжении 6 лет механик завода 88 Шорин вместе со своей женой преследует и травит меня. Мне дана кличка «жучка». Обзывает меня фашисткой, проституткой, полячкой и т.п. Два раза меня ударили сам Шорин и его жена. Рамы поздней осенью в кухне взломал так, чтобы не закрывались, а летом запрещает открывать. «Я тебя уморю» – говорит его жена. 1950 г.»⁵.

Жалоба от работницы фабрики-кухни завода 455 Насоновой В.А.: «Я проживаю вместе в одной квартире с гражданкой А.В. Сурковой. Она меня несколько раз обворовывала. Гражданка Суркова была вызвана в милицию, где она призналась о своей краже. После допроса вернулась домой и начала хулиганить, драться табуреткой. Она ударила меня по животу, где было больное место и не зажитая рана после операции. Она нанесла мне побои левого глаза, на что имеется заключение от врача – справка. Я несколько раз обращалась в домоуправление, и к директору завода, чтобы они мне помогли – расселили меня с ней, так как с ней дальше невозможно»

³ ЦММЛС. Ф. 92. Оп. 1. Д. 98. Л. 19.

⁴ ЦММЛС. Ф. 92. Оп. 1. Д. 119. Л. 1.

⁵ ЦММЛС. Ф. 92. Оп. 1. Д. 120. Л. 3.

но, она продолжает воровать и хулиганить, но они не обращают внимание на мои мучительные переживания. Неужели так можно издеваться в Советском Союзе над честными людьми, как издеваются надо мной. Неужели мы живем в капиталистической стране, где нет предела издевательствам, мародерства и сколько не обращаться и мер никаких не принимается. Для чего же у нас органы милиции и выборные люди местных Советов, которые сидят и бездействуют. 3 марта 1950 г.»¹.

На XII московской городской конференции КПСС 17 января 1956 г. выступил Горшенин (министр юстиции СССР): «В народный суд 1-го участка Советского района г. Москвы поступило заявление работницы одного из заводов Галкиной, которая жаловалась на возмутительное к ней отношение соседок по квартире инженеров Лапшиной и Шибановой, работающих на 2-м часовом заводе. В суде было установлено, что Шибанова и Лапшина систематически ведут себя в отношении Галкиной грубо, допускают оскорбительные выражения. Дошло до того, что инженеры Лапшина и Шибанова как-то вечером на кухне избили работницу Галкину»².

Следы барачной культуры становились заметными повсюду, особенно интенсивно общий уровень отклонений от общепринятых городских норм проявлялся в жилых массивах и общественных местах. Увидеть это можно было почти в каждом подъезде, на каждой лестничной площадке в виде исписанных стен подъездов и лифтов домов, выбитых стекол входных дверей, разбитых лампочек, изуродованных почтовых ящиков. По этим крайностям можно судить, как была накалена атмосфера коммунального быта.

Жилищные условия большинства рабочих традиционно были плохими. Заводоуправ-

ления должны были заниматься в основном размещением пришедших на предприятия рабочих. Жилищный вопрос являлся важным фактором привлечения рабочей силы на производство и играл решающую роль в мотивации труда рабочих. Хотя предприятия строили дома, но рост числа рабочих перегонял их жилищные возможности. Известный перекося в сторону технократических подходов ослабил внимание к социальной стороне производства, быту, досугу, что не могло не принести к снижению заинтересованности в результатах труда, ослаблению дисциплины, увеличению алкогольного потребления.

Специфика российской урбанизации в XX в. состояла в размывании культурных стандартов и наполнении городского образа жизни несвойственными ему стереотипами сельского общения и социального поведения. Социокультурные противоречия оказались далеко не безобидными, поскольку они способствовали снижению потребительского стандарта и игнорированию традиций формирования целостной городской среды. До сих пор недоразвитость сервисной и бытовой инфраструктуры, полудеревенские коммунальные стандарты и «неизолированное» жилье составляют целый пласт социальной реальности городского существования. Иными словами, рост городского населения имел существенные особенности, связанные с формированием городского образа жизни, качества городской среды, норм социального поведения горожан, ценностей городской культуры.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Литературная газета. – 1953. – 10 февр.
2. Правда. – 1989. – 13 февр.
3. Труд. – 1953. – 7 янв.

¹ ЦММЛС. Ф. 92. Оп. 1. Д. 120. Л. 10.

² ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 102. Д. 3. Л. 4.